

Лариса КЕФФЕЛЬ-НАУМОВА

ОЛЕНЬКА

Неизвестная любовь Есенина

Памяти бабушки моей посвящается

Чёрная «Волга» мчалась по Новорязанскому шоссе. Проехали Зеленинские Дворики, свернули с трассы налево. Объехали по левой окраине Рыбное, пересекли железнодорожные пути, поехали по дороге через Раменки. Вдалеке показались дома. Сидящий за рулём мужчина в военном мундире подполковника сбавил скорость, увидев впереди указатель: «Константиново. Музей С.А. Есенина». Притормозил. Повернул и медленно повел машину по укатанной дороге, шурша шинами. Немного впереди виднелись два туристических красных автобуса с надписями на боках «Совтрансавто». Здесь было что-то вроде парковки для посетителей. Туристы гуськом шли к стоящему вдали одноэтажному длинному строению — видимо, это и был музей. Охранник замахал руками, предупреждая, и подбежал к машине. С водительского сиденья к нему вылез человек в военной форме.

— Дальше нельзя, товарищ подполковник! — обратился охранник уважительно к владельцу «Волги». — Дальше пешком придётся вам прогуляться. Не пропускаем к музею. Распоряжение руководства.

Военный обошел машину, открыл заднюю дверцу. Наклонился к кому-то.

— Мама! Не пропускают. Пешком-то дойдёте?

С пассажирского сиденья выглянула пожилая женщина в платке.

— Как же так, Миша, милоч? — расстроено запричитала она — Сама-то я не дойду. Неужто возвращаться? — посмотрела на военного просительно.

— Сейчас! Спрошу, может, всё-таки пропустят, — военный подошёл к охраннику. Прокашлялся. — Понимаете, там в машине моя тёща, — он помолчал. — У неё родственники здесь жили, — покашлял. — Она Есенина знала, разговаривала.

Охранник охнул и включил рацию:

— Приём! Приём! Тут такое дело... Здесь у нас машина. Женщина пожилая. Говорит, что знала Есенина, говорила с ним. Сама дойти не сможет. Так что делать? — рация захрипела нетерпеливо. — Понял, — охранник повернулся к военному. — Товарищ подполковник! Проезжайте. Прямо до входа. Там сотрудники вас встретят. Скажете, что это у вас в машине женщина, знавшая Есенина.

— Благодарю! — военный козырнул. — В каком вы звании?

— Капитан.

— Благодарю за помощь, капитан!

Охранник хотел тоже козырнуть, но вспомнил, что в униформе, без погон. Просто махнул рукой, мол, да не за что благодарить, товарищ подполковник! Чего уж там. Понимаем. Что ж мы — не люди? Михаил сел в машину. Обернулся на заднее сиденье.

— Всё хорошо, мама. Пропустили.

Женщина радостно отозвалась, поправляя платок.

— Ой, милоч, слава Богу! А я уж помолилась Богородице-заступнице. Помогла Мадушка Казанская. Думала, что не увижу! Долго ведь просила вас, а приехали — и от ворот поворот.

Сидящая на переднем сиденье дочь Лёля повернула к ней голову, ободряюще улыбнулась:

— Видишь, мам, Миша договорился. А ты волновалась.

Машина поехала по дороге. Пожилая женщина всё смотрела в боковое стекло, пытаясь разглядеть что-то.

— Ну вот и свиделись, Константиново.

* * *

Оленька шла по выгону, вдыхая медвяный и прохладный, как из колодца, утренний воздух. Щекотала её ноги в лапоточках, обжигала тонкие щиколотки морозная утренняя роса. Пробегала дрожь аж через всё миниатюрное и упругое девичье тело. Сладко... Оленька остановилась, положила собранные цветы на траву и потянулась всеми косточками. Ах, как здесь у них благостно! Река Ока петляла, на излучине красиво извивалась, как богатая коса у девки. До чего же привольно! Сколько хватало глаз, холмистые луга с небольшими щетинами кустов, мелких перелесков, то тут, то там раскиданных дубрав. Хорош был березняк. Везде берёзовый лес, и береста белая, здоровая. Так вкусно было ранней весной цедить, поднося кружку к жестяному желобку, что вставляли в деревья, берёзовый вязкий сок... Говорят, что это берёзы плачут. Нешто правда? Ноги горели, и казалось, что жарко. Раздольный сарафан, который наскоро надела прямо на исподнюю чистую рубаху, тоже был весь влажный от высокой осоки. Не дождавшись, пока рассветётся, убежала в луга собирать цветы.

Навстречу ей гнали коров. Оля попятилась к росшей у дороги вишне, постояла, пропуская стадо, застенчиво поклонилась пастуху Тимошке. Он в ответ залихватски стегнул по воздуху кнутом. Покрутил головой, покашлял в усы, провожая её стройную девичью фигурку.

«Ох и хороша девка! Косточка тонкая, волос кудрявый. Личико белое, что тебе чашка хварфорова. Ишь, припустила! Пятки розовые. А ножка-то махонькая. И в кого? Вроде Евдокия, мать её, — баба гладкая, но тоже складна, стати не отымешь, плывёт лебедью — себя несёт. Андрейка, мужик её, масловский¹, рано помер. Двадцать четыре годка только и пожил. Да. Извозщицкое дело. А сама при графьях в услужении. Может, согрешила с графом-то? — Тимошка сам испугался своих срамных мыслей, плюнул, перекрестился. — Господи, прости Ты мя, грешного! И придёт же ента страмота на ум в праздник светлый! Да и ум-то у меня тихий. Чяво с меня взять-та?»

На самом деле Тимошка лукавил. Он был не последний человек на деревне, и поскольку бабы веряли ему стадо — его обласкивали. Кто пирожок даст, кто яйцо, кто молочка нальёт. Село у них, слава Богу, «зажиточное». Да и сплетни деревенские первым он узнавал, когда корову хозяйке обратно ко двору пригонял. Какая сельчанка понесла, какую в амбаре с полюбовником наместни видали. А которую и попотчевал кулаками благоверный — платок низко спускала, закрывая синяк. «А куды денисся-та? Одно дело бабье — терпи. Знать, не угодила, перечила самому. Перед людьми стыдно, а в избе не отсидисся. Эхе-хе... Грехи наши тяжкие!»

С этими печальными мыслями Тимошка досадливо погнал стадо дальше. Пёс Полкан пугал дур-коров, облаивая их вкруговую. Коровы мычали, отмахиваясь хвостами. Боязливо жались друг к другу. Ух, Полкан-то сегодня злой какой! С чего бы?

Оленька опрометью вбежала во двор с ворохом луговых цветов. Тётя Луша несла ведро с молоком в избу, накрыв тряпицей. Оля торопилась. Надо успеть себе и подружке Нюре венки сплести. А уже и в церкву пора собираться. Долго сегодня. Праздничная служба. Сегодня после обедни пойдёт она с другими девушками водить круга. Оленька приехала с братом Петей к тётке Луше, Лукерье Трофимовне, из Курова в гости. Дед Поликарп и баба Груня отпустили на Троицу к родственникам. «Межедворы!» — приговаривал дед. Очень любили к родне в гости ездить. Дома им не сидится. «Чай, рано ей ешо подолом-то крутить!» — ревновал дед.

* * *

— Оленька? Ты по выгону шла? Стадо встренула? — улыбаясь, спросила Лукерья Трофимовна, поставив ведро и запихивая волосы под съехавший платок, с добрым прищуром любясь на племянницу. И в кого уродилась? Как с иконы Богородицы Казанской, что в ихней церкви!

— Встретила! — Ольга пробежала, торопясь, мимо, в сени.

— Ну, слава Богу! В луга погнал. А то свернёт с дороги за поворотом, ирод, и дремлет под берёзой старой в холодке, а там всё уж потоптали. Ну, слава Тебе, Господи! — приговаривала Лукерья. — Теперь к вечеру удоиная будеть.

Тетя Луша, всё ещё светло улыбаясь, понесла тяжёлое ведро в избу, отведа руку, клонясь на правый бок.

— И то... — она обернулась, поискала солнце, будто свежий, жёлтый кругляш от бревна, только что отпиленный пилой, медленно разгоравшееся за деревьями. — В церкву надо собираться. Ужо батюшка ругать будеть. Опять последние идёте! Богу — Богово отдай! Ох, Господи! Поспеть бы! — процедив, разлила в две махотки и понесла молоко на ледник. Воротилась в дом. Привычно перекрестилась на божницу. — Маслица надо бы подбавить. Праздник нонче.

По белому отскоблённому полу, на котором аккуратнo были постелены тканые по-

¹ Из деревни Маслово.

лосатые половики, пошла к иконам. Влезла на низкую самодельную скамейку. Достала из бутылочки за божницей, налила льняного масла в лампаду. Огонёк запрыгал в склянке веселее.

— Вот и хорошо, ай, хорошо! — приговаривала она. — И Боженке свету побольше!

На заднике¹ сидела Оля и плела венок.

— Оленька! В церкву не опоздаем?

— Ой! — спохватилась Оля. — Сейчас. Только Нюре доплету!

— Да как ето у тебя ловко получается! Уж и правда готов! — удивилась Лукерья. — И так ладно, цветочек к цветочку. А у иных торчить во все стороны, — Лукерья подошла, взяла сплетённый венок. Подивилась. — Никак пойдёшь круга водить?

— Пойду, — зарделась Оля.

— Ну, иди. Такую и показать не стыдно. Я с бабами постою. Посмотрю на тебя. Лебёдушка ты моя! — погладила по льняной головке.

Оленька благодарно потупилась. Тётя Луша добрая. У них в семье все добрые. И дед, и бабушка. И мама. Отца Оля плохо помнила, он умер от горячки, когда она была ещё маленькая. Ямщиком в Москве служил, но, наверное, и он тоже был добрый? Зла она не видела. Её баловали. Не принуждали. Бабка и дед были ещё крепкие и сами управлялись. Мама из Москвы платья привозила, башмачки. Полушалки невиданной красоты! С жар-птицами и единорогами. Подружки-соседки дивиться ходили. Пальцами водили по диковинным рисункам.

— Ой, Олюшка! Как тебя наряжают!

А она другого и не знала. Весело было, подвязавшись шалью в трёшницу², надев свальянные бабушкой из беленькой овцы валенки и господскую шубку, перешитую бабушкой на Олю, кататься, визжа, с горы на салазках, которые смастерил ей дед.

Мама в Москву хотела взять, в гимназию. Оленька в деревне школу кончила, но больше учиться не хотела.

— Ишь чаво удумала! Дитя портить! — дед с осуждением посмотрел на дочь. — Глянь, вона какая голубица! Ангел во плоти! Ангел и есть! Нешто такая засидится?

Бабка не встревала, только тихо охала, кивая сокрушённо головой, вытирая глаза концом платка.

Мать возмущённо всплескивала руками.

— Папаша! Она же еле грамоте разумеет. Мама! Хоть вы скажите! Я её устрою в интернат для девочек.

— И чаво ей в ентонь Москве делать? На кой ляд ей, девке, учёба? Мужика ей надо справного, как в возраст войдётся. Вот и вся учёба.

Оленька сидела у печки, выжимала слезу, просительно смотрела на деда. В Москву ехать не хотелось. Страшно там! Боязно!

— Дурочка! Останешься неучёной, — вздыхала мать, присаживаясь с Олей рядом, обнимала её, прижимая к себе. Евдокия понимала, что против такой коалиции не попрёшь. Избаловали детушек. Ну, да Бог с ними. Одна у бабки с дедом отрада — внучата, да и ей в Москве с ними колготиться, устраивать, господ просить. Ладно. Так тому и быть. Опосля, может? И она уезжала обратно в столицу.

В церкву успели ко времени. Впереди, чинно снимав картузы, крестясь на главы храма Казанской Божьей Матери, шли дядя Степан Алексеевич и братья Ефим, Илья и Петруша. В пиджаках поверх отороченных узорным кантом льняных косовороток, подпоясанных кушаками и брюках домотканого сукна. Истоиво ещё раз перекрестившись и махнув земной поклон, с должной робостью один за другим входили в дверь, стараясь потише скрипеть новыми сапогами, сильно пахнущими кожей. Тётя Луша в нарядной красно-чёрной понёве³ в клетку поверх расшитой рубахи с красиво затканными рукавами и в переднике⁴ с наверхником⁵, в свекольного цвета повойнике⁶ на

¹ Задник — три широкие доски в углу от последнего окна, лежат с одной стороны на лавках, а с другой упираются в печку. На них можно было спать.

² Шаль в трешницу — большая шаль из тонкой шерсти, с кистями, полотнище в виде прямоугольного треугольника. Ее завязывают одним концом.

³ Понева — шерстяная юбка из нескольких кусков ткани (как правило, темно-синей клетчатой или черной, реже красной) с богато украшенным подолом, одежда замужних женщин.

⁴ Передник — деталь рязанского костюма, нарядный фартук-занавеска, одевается через шею.

⁵ Наверхник — предмет праздничной женской одежды на Руси, длинное платье с короткими рукавами наподобие тунки, надевавшееся поверх поневы.

⁶ Повойник — головной убор замужних женщин в виде мягкой шапочки, полностью закрывавшей волосы, заплетенные в две косы и уложенные на голове. Это один из старинных головных уборов на Руси, был известен еще в XIII веке.

голове, расшитом ярким бисером, торжественно шествовала с Оленькой, одетой в васьильковый сарафан с рябиновой окантовкой и белую рубашку с собранным вокруг шеи воротом. Красный узорчатый платок повязан по-девичьи — домиком. Дочки Бог Лукерья не дал. Зато племянницей не обидел. С гордостью подмечала, как оглядывали Олю все деревенские, заходящие в храм. «За погляд денег не берут. Не сглазил бы хто тольки».

Оленька стояла потупившись, крестилась, кланялась, когда дьякон возглашал: «Господу помолимся!» Ладана не жалел. Праздник! Кадилом щедро благословлял притихшую паству. Потупив головы, прихожане истово поворачивались направо, стараясь вдохнуть побольше «святого дыма». В какой-то миг, подняв голову, Оленька встретила глазами с Серёжей. Он застенчиво отвёл глаза, но потом вновь и вновь её захлестывал его взгляд. Господи! Вот ведь смутитель! Она пыталась молиться, но уж какая тут молитва! Только попевала креститься. Лукерья увидела смущение племянницы. Посмотрела на мужскую половину. Усмехнулась. Зыркнула на парня. Тот поклонился ей и вроде как поотстал. Когда шли к кресту, они оказались рядом. Она видела, как он наклонил свою кудрявую голову с богатым светлым волосом, когда прикладывался к иконе Живоначальной Троицы, засмотрелась на его профиль с прямым носом, фигуру ладную в светло-сером пиджаке, длинных городских брюках. В хороших гамашах.

Когда выходили из церкви, Лукерья наконец заговорила.

— Никак это Серёжка Есенин? Что? Вчерась не нагледелся на тебя?

— Он на меня всегда так смотрит, — Оленька покраснела, потупилась, закрываясь от стыда концом платка и ухватив тётку под локоть. Ох! Не пристало девушке такое рассказывать.

— Ну? Голоштанними вы ещё бегали. А теперь в возраст вошёл! Вот как глазом буравить! Да толку с него не выйдет! — махнула досадливо вышитым платочком, который держала в руке, Лукерья Трофимовна.

— Почему?

— Да слышу, говорят все, как его, стихи, что ли, пишет, вот лавошник давеча говорил — всё за бумагой бегаешь, изводить на баловство-то это. К священнику нашему отцу Ивану в дом всё шастает. Книжки читает. У деда с бабкой рос, а они у него шибко верующи. Грамотны. Дед всю Псалтирь знал. Из староверов, слышно. Все монастыри обошли, и его с собой. Вот и приохотился. Ты с ним не позволяй. Строго. А то догуляетея.

— Тётя Лушенька, да Господь с вами! Рано ещё мне, — Оленьке сразу полегчало. А то было сердечко забилось тревожно. Парень был пригож очень. Уж больно особенные у него были глаза. Будто цветочки льна. Прямо брызгала эта синь, летним полдненным небом. Стихи... Ей это казалось таким далёким. Шибко, знать, учёный.

— «Рано!» А сама зарделася, как маков цвет. Знаю я вас!

Сергей стоял у церкви. На голове у него был надет чудной высокий картуз с околышем, который ему не шёл и совсем не понравился щеголихе Оленьке. Его окружали мать с отцом и сёстры. Все нарядные. Татьяна Фёдоровна смерила Оленьку с тётей Лушей издали взглядом. Пресно улыбнулась. Кивнула. Услышали, как сказала сыну очень тихо, сквозь зубы: «Молода, таволь¹, ешо!»

— С праздником, Степан Ляксеич, Трофимовна.

— С праздником и вас, Ляксандр Никитич, Татьяна Фёдоровна, Серёжа...

Поклонились. Пошли неспешно по главной деревенской улице — Порядку — чинно, раскланиваясь направо и налево с сельчанами. Дома сияли свежеевыкрашенными к празднику наличниками и подзорами. Ветки берёзы на воротах. Подметено чисто. Светло на душе, радостно. Пахло пирогами.

Сидели за дощатым скоблённым до белого столом. Дядя, Степан Алексеевич, похозяйский разлил «смирновки» сыновьям, Пете и себе в стаканчики. Лукерья Трофимовна откупорила бутылку с кагором. Налила себе и Оленьке.

— Ну, с праздником!

Чинно подносили ложки к миске. Хлебали лапшу с курицей, придерживая ложки снизу куском пирога, чтоб не накапать. Махотка с молоком. Кулеш пшённый в чугушке, с тающим внутри топлёным маслом. Студень. Блинцы. Драчёны. Пирог. Ну и настряпала тётя Луша! «И когда она только спит?» — удивлялась про себя Оленька. Спать ляжешь, а она ещё на дворе возится. Ещё не рассвенётся, а она уж на коленях перед Спасом молится. Разбудит тебя утром горластый кочет, а она уж корову подоила, выгнала.

— Тётя Лушенька! Давайте я помогу! — приставала Оленька.

— Успеешь ешо! — отгоняла её все дни тётя Луша. — Бабье дело никуды от тебя не уйдёт. Понежься в девках-то. Да и гостя ты у меня. Вот управлюсь — в карты с тобой

¹ Таволь — это.

сыграем. В дурака али в пьяницу. А?

Оля почти ничего не ела.

— Оленька? Настряпала я бознать¹ сколько всяво! Ай не по вкусу? — тревожно спрашивала тётя Луша.

— Нет, я после поем. Когда приду.

— А сегодня на тальянке будут играть! — гаркнул Ефим, приосанясь. — Серёжка Есенин тожа может так развернуть!

Оленька смутилась и посмотрела на усатого братца.

— Играть-то ребята играют, только тебе, птаха, ешо рано туды. Шешнадцати ешо нет.

— А вы с ней рядом постоитя, а не гыгыкайтя с засиделками!

— Да будет вам, мамаша! Да хде ето засиделки?

— Говорю, за Оленькой приглядывайтя! Зыркал ваш Сергунька сегодня в церкви на неё. И на улице не отходить, хоть метлой отгоняй. Знать — не до тальянки ему будеть.

— Присмотрим, матушка, — пообещал более покладистый Илюша, чтобы прекратить спор, облизывая ложку от каши и весело подмигнув Оле. — Не бойсь, птаха! Се-струху в обиду не дадим! Да, Петюнь? — братец приосанился, закивал. Обрадовался, что братья старшие с ним советовались.

— Да я сама себя не дам! — Оленька расстроилась. — Ничего он не делал. Только посмотрел два раза.

— Ишь ты! Она уж сосчитала, сколько разов! — загоготали братья.

Оленька совсем смутилась. Мать замахнулась бесполезным уже черпаком на сыновей.

— Ух, охламоны! Вот девки нету. Тольки мужики неотёсанные!

Оля помогла прибрать тётя Луше со стола. Чистой тряпицей вытерла столешницу, стягнула крошки в ладонь.

Лукерья взяла ухват. Привычно подцепила чугунок с оставшейся кашей. Ловко поставила в ещё тёплую печь. Туда же — большую глиняную миску с лапшой. На ходу поддела чаплей сковороду с блинцами. Ужинать. Всё у неё выходило споро, складно. Торопилась прибраться. Братья на дворе начищали сапоги, переговариваясь. Чуток захмелели.

— Иди, я сама тута, — Лукерья окинула взглядом избу. Конник покрыт тряпичными дорожками. Занавески недавно сшила на три окна, с огромными красными розами. Ситец — подарок от Олиной матери Евдокии, из Москвы. Божница в переднем углу праздничная. Со свежими рушниками, тоже с вышитыми ею розами. Лики икон благостно светились от лампадного огонька. Хорошо. Солнце било в окна. Совсем жарко. На Троицу всегда так. Разморило от кагора. Присела на лавку. Задумалась. Слышала, как Оленька шуршит за занавеской. Прихорашивается. «Вот ведь за кого замуж пойдёт? Попался бы ей тихий, да жалел бы её. И жисть в радость будеть. Вона ведь какая! Ни дать ни взять — лик иконный. И правда на икону Казанскую похожа. Без отца растёт. Андрейка, родитель её, дюжа рано помер. Богородица! Матушка! Помогите ей, сиротке! Подайте хорошего жениха!» Она перекрестилась на божницу. Вроде Казанская Божья Матушка улыбнулась, Заступница наша!

Оленька смотрела на себя в зеркало, привешенное на стену за печкой. Застегнула на шею бусы в три ряда из красного камня. Серёжки с рубиновыми стеклянными камушками. Надела голубой сарафан, отделанный широкой синей с золотом тесьмой на бретелях, груди и по низу. Повернулась так и этак. Расчесала волнистые светлые волосы. Переплела наново косу голубой шёлковой лентой. Вытащила из-под лавки своё завернутое в мешковину сокровище — красные туфельки на небольших каблучках, с пряжками на перемычках. Матушка, когда последний раз домой приезжала, привезла. Кожа мягкая. Только тесноваты немножко. На размер меньше. Ничего. Разносятся. Надела на белые чулочки. Ножка — как игрушечная. Вышла из-за занавески.

— Ой, красавица моя! — ахнула Лукерья Трофимовна. — Ну-ка поворотись! Погляжу на тебя! А косник² шелковый, лазоревый! А бусы! Серьги, небось, Дуня с Москвы привезла? Огнём полыхают! Ай-ай, царевна прямо! Нешто краше тебя сыскать? Да хде они? И нету их! — приговаривала она, оглядывая племянницу.

Оленька поворотилась. Приподняла подол сарафана.

— Ох! А туфельки-то махонькие какие! Нешто в пору? — удивилась Лукерья. Оленька побежала из горницы. — Оля! Венки-то позабыла?

— Ах! — Оленька схватила приготовленные венки, висевшие на крюке у двери. Один надела себе на голову.

¹ Бознать сколько — Бог знает сколько (т.е. много).

² Косник — лента в косе.

— Степан? Пойди глянь, кака пава-то у нас!

Вошёл Степан Алексеевич, покрутил головой, покрикал одобрительно.

— Снегурка!

— Пощипай щёчки! — посоветовала Лукерья. Оля пощипала щёки. — Ну! Помогай Господь! — прижала к себе племянницу. — Беги! Я следом приду!

Нюра уже маялась за воротами. Ревниво оглядела Оленьку.

— Ой! Какая ты! — пощупала всё. — А ну поворотись, — Оленька крутанулась. Сарафан полетел солнцем, переливаясь шёлковой ниткой.

Оля отдала венки. Нюра надела. Она собралась тоже нарядно. Вышитая льняная рубашка с широкими рукавами. Новый зелёный сатиновый сарафан. Ленты в косе. Бусы самоцветные. Новые башмаки.

Пошли по деревне. Из дворов, завидя их, выходили цветисто одетые девушки. Пёстрой весёлой стайкой, смеясь и смущаясь, дошли до луга на краю деревни — места праздников. Собирался народ. Кто-то нестройно разводил меха тальянки. Кучками стояли мужики. Бабы лузгали семечки, издали осматривая девушек. Судачили. Чья какая да что на ком надето. Как идёт в хороводе. Хорошо ли поёт. Так ли у них было в девках. Все ошибки обсуждали.

Девушки взялись за руки и запели. Медленно поплыли в хороводе, прибавляя ходу.

*Пойдём, девочки, гулять в лужочки,
Ой лёли, лёли, гулять в лужочки.
Гулять в лужочки мы на все денёчки,
Мы на все денёчки, на все духовские.*

Закружились, переходя из одного кольца в другое, раскручиваясь и вновь заводя новое кольцо, поворачиваясь резво вокруг себя. Юбки разлетались, ластились к стройным ножкам в нитяных белых чулках. Мужики, глядя на девок, кричали, щипали ус, кашляли в кулак, поправляли фуражки, приосанясь. Жаркое солнышко играло с небес разными огоньками, как на Пасху, словно тоже приплясывая. Сейчас скатится с неба и пойдёт с ними в весёлом девичьем хороводе.

*Берёза лугу позавидовала,
Ой, маю, маю, маю зелена.
«Хорошо тебе, лугу,
Хорошо зелена.
А меня, берёзу, секут и ломают,
И в печку бросают».*

Оленька любила петь. С детства пела на клиросе в церковном хоре. Голосок у неё был нежный, мягкий, но сильный. Лился чудно, не по-деревенски, девки её заглушали громкими ойканьями, звонкими с привизгами голосами. Но она не обижалась. Вместе поём. Немного кружилась голова от возбуждения и сосало под ложечкой. Не ела целый день.

Заметила поодаль с другими ребятами Сергея. Он смотрел на неё, как заворожённый, не отрываясь. Стыдно было. Подружки хихикали. Тыкали локтем в бок. Опять он в своей странной фуражке, в той, что давеча был. Высокой с околышем. Оленька всё шла в хороводе, стараясь не смотреть в его сторону.

...Когда дед Поликарп привез её с братом в Константиново, Серёжа на гуляньях сразу заметил её. Пристал — не оторвать. «Какая же вы стали, Оленька! Летась¹ будто ещё девочка бегала, вроде моей Кати, и глянь... Красавица, каких свет не видывал!» Стал ухаживать. Он шибко возмужал с тех пор, как она его последний раз встретила, никак с Покрова! Ладный. А как на тальянке играл! Провожал домой, ходил с ней до околицы. Разговаривали. Домой как-то завёл водицы испить. Оля сперва не хотела идти. Стеснялась. Войдя из сеней вслед за Серёжей, перекрестилась на божницу с задрожавшим от сквозняка огоньком лампадки, поздоровалась. Незаметно огляделась. В горнице чисто прибрано. Нарядные ситцевые занавески на всех окнах. Оля подивилась богатому убранству. Буфет. Станный низенький комод с ящичками и зеркалом, на котором стояла расписная шкатулка, пузатая склянка с одеколоном, лежал роговой гребешок. По бокам красовались два фарфоровых белых лебедя. Оленька с Петрушей бывали иногда в гостях у матушки в Москве. Она уже видела такое у господ, в доме, где мать работала горничной. «Трюмо» называется. Кузнецовский вёдерный самовар. Часы с боем. С замиранием сердца смотрела, как лихо летал туда-сюда маятник. Обои в цветочек — роскошь, невиданная для деревни. Цельную избу бумагой оклеить! Сказывали, что Ляксандр Никитич хорошо в Москве в мясной лавке торгует.

Тётя Таня, мать Сергея, хлопотала по дому. Задумчиво оглядела Оленьку. «Вона ка-

¹ Летась — в прошлом году.

кия Сергуньке-то нравятся. Костью тонка больно. Не тягущая, зная, будеть... в хозяйстве-то! Своих-то не жалуешь. Эвона как. С другой деревни». Но Татьяна Фёдоровна помнила, как её саму без любви замуж отдала. Маялась. Уходила от мужа. Нет. Пусть уж сам выберет, с кем ему любо.

— Что же ты госте все книжки показываешь?

— Да мы водицы попить зашли.

Оленька покраснела.

— Зачем водицы? — понимающе проворковала Татьяна. — У меня и квасок выходил. Да обожди! Не из дёжки¹. С ледника принесу, — метнулась из избы... Налила всклян² белого квасу в глиняную кружку. Поднесла госте. Оля испила.

— Ой, благодарствуйте! Вкусный! Сладкий.

— А я туды мёду мешаю, — Татьяна довольно взяла кружку. — А то — водицы... Нешто у нас нечем гостей попотчевать?

Две сестры играли во дворе с куклами. Куклы с фарфоровыми, тонко нарисованными личиками. В Москве, видать, куплены.

Оля взяла куклу в руки. Платье кружевное. Туфельки. Ух ты!

— Папанька привёз, — похвасталась Катя.

...Оля как-то изловчилась и незаметно сбежала из хоровода между людей. Дюже намяла ножки в новых туфельках, которые берегла на праздник. Искры из глаз так и сыпались. Еле дойдя до дому, скинула с опухших ног туфельки и одела чуни — обрешанные валенки. Сразу полегчало.

Сели ужинать. А опосля уговорились играть с тёткой и дядей в карты. Кто-то постучал с крыльца в дверь. Тётя пошла посмотреть. Быстро вернулась. Подойдя к племяннице, шепнула ей на ухо:

— Оленька! Выдь. Серёжка Есенин у двери стоит, тебя дожидается.

— Не пойду. Устала. Ну его, этого Серёжку. Да и ноги распухли. Скажи, что не выйду.

Тётка, лукаво улыбнувшись, сходила, передала, но ухажёр отступать не собирался. Опять настойчиво стучал, просил:

— Ну пусть выйдем хоть на крылечко. Мне ей что-то сказать надо.

Оленька досадливо накинута тёмную шаль подлиннее, тёткину, с кистями.

— Оля! Керосинку вздуй. Ешо чяво не хватало! Тары-бары с им разводите в сутемах³! — тётя Луша усмехнулась, досадливо покачав головой.

«Правда, парень был скромный, не нахал. Даже застенчивый. И так чудно говорит. По-учёному. И всё смотрит, смотрит своими озёрами глаз. Аж сердце мрёт. Далеко ли тут до греха-то? Богородица Матушка, прости меня, грешную!»

Тихонечко со скрипом приоткрыла дверь. Чуней своих было стыдно. Осторожно поставила лампу на перила. Ещё не обвыклаась со свету.

— Серёжа?

В круге от огонька тусклой керосинки показалось лицо.

— Оленька! Вышла, голубушка! — он хотел взять её за руку, но Оля с досадой отдернула руку. — Оля! — просительные нотки не шли ему. — Прогуляемся до околицы?

— Находилась я уж нынче! — без охоты отвечала Оля, покачав головой. На улице если бы не луна, то бы и совсем темень, а дома ждали играть в дурака по копейке. В село. А дядька как загогочет, когда продует. А тут тоска.

— Умаялась, моя лебёдушка! — Есенин влез на крыльцо, стараясь разглядеть её. — Ну поговори со мной. Не гони сразу.

— Да с чего вы взяли, Серёжа? Я и не думала.

— Пойдёмте хоть до околицы прогуляемся, — всё беспомощно повторял он.

Оленьке очень не хотелось признаваться, что ноги у неё распухли и туфельки ей уж не надеть.

— Как ты сегодня в хороводах хороша была! — перескакивал он с «ты» на «вы». — Самая красивая была. И в кого же ты такой красы нездешней?

— Почему «нездешней»? — обиделась Оленька. Приятно, конечно, про свою красоту слушать, но что они все ей говорят, что она не такая, как другие? Слово плохо хотят сказать о ней, о матушке её — Евдокии Поликарповне Егоровой. Вот ведь люди! Родня же тут вся мамина, знают Дуню с детства. Работящая, честная. И какое горе с ней приключилось! Без мужа осталась. Батюшка помер. Одна их поднимает, обихаживает, а вот ведь рты людям не закроешь! Злые языки.

— Оленька! — Он бросился к ней. — Обиделась, лапушка! Да я хотел только сказать, что краше тебя я никого не видел. Барынек я видал. Хоть и белая кость, а с тобой

¹ Дёжка — кадка для кваса.

² Всклян — доверху.

³ В сутемах — в сумерках.

не сравнить.

— Ну и идите к вашим барынькам, — Оленька всё пыталась с ним поссориться. А у самой сердце уже мягчало. Так он складно говорил. Нешто и взаправду полюбилась она ему? Да хорош-то он тоже, глаз не оторвёшь. Говорят, девки деревенские все за него хоть щас готовы замуж, да больно он какой-то странный. Всё книжки читает. Да вроде и отец его в Москву, к себе в лавку забирает.

— Серёжа! Слышно, говорят, что в Москву вы будто уезжаете? Скоро?

Он облокотился головой о столбик крыльца. Взглянул на неё внимательно.

— А нешто скучать по мне будешь, ждать? Аль нет? — Сергей улыбнулся, как бы подтверждая свою догадку. Оленька потупилась и не ответила. — По сердцу ты мне, — с волнением вдруг проговорил он. Оля встrepенулась. Ну вот ещё! Она нетерпеливо повела плечами. Объяснения щас начнутся. Проворонит она карты. Он хотел взять её за руку. — Я тебе письма буду с Москвы писать. Отвечать-то будешь? — Сергей вздохнул. Склонился к ней, ожидая ответа.

— Да не сильна я писать-то, — Оленька пыталась отстраниться от него.

— Дождёшься меня? Через годок ворочусь! — он всё спрашивал, заглядывая с надеждой в её глаза. — Вчерась обещала вроде, как гуляли.

— Наш девичьей век короток, — как бы шутя ответила Оленька. Ухажёр её по-мрачнел. — А ну как раньше кто сосватает? — и она рассмеялась нежным грудным смехом.

Он не сдержался. Притянул её за руку к себе.

— Олюшка!

— Серёжа! Отпустите! Что это? Помните себя!

— Да я-то помню. А вот ты-то, видно, скоро меня позабудешь. Как уеду, — он вздохнул, всё ещё не отпуская её. — Так мне, Оля, в эту Москву не хотся. Отец зовёт. Нельзя не ехать. Ученье-то нонче уж закончил. Чую, погубит меня Златоглавая, — Сергей по-нуро свесил голову. О чём-то задумался. Вздохнул. Взглянул на неё, погладил по голове. Неожиданно вдруг отстранился и стал шарить по карманам и на груди в пиджаке, будто искал что. Странный свой картуз высокий с околышем — Оленьке он так не нравился — машинально сунул ей в руки. Керосинку пододвинул к себе поближе. Положив на широкие перила крыльца маленький блокнотик, что-то стал быстро писать коротким карандашом, царапая им по бумаге со всей силой.

— Что вы там пишете, Серёжа? — спросила Оленька равнодушным тоном, стараясь не показать, что ей интересно.

— Вам на память. Стихи. Не потеряйте, — он посмотрел на луну. Потом на неё. Прищурился. — Когда-нибудь я буду великим поэтом. Это уж будьте благонадежны! — и что-то чиркал дальше.

Оленька передёргивала от нетерпения плечами. Зоря больно студена.

Он наконец дописал и отдал ей смятый листок, вырвав его из блокнотика. Оленька взяла керосинку, приблизила к листку, исписанному с двух сторон короткими стихотворными строчками.

Он взял у неё из рук картуз. Взглянул на неё грустно.

— Ну, коли так, прощайте, Оленька!

— Да за нами к послезавтрему обещал дед из Курова приехать, домой уж пора, — ответила она растерянно.

— Ну, тогда в добрый час!

Махнул рукой, то ли с досады, то ли расставаясь. Развернулся и пошёл восвояси по стёжке через двор на улицу, посвистывая, — дескать, ему всё равно, и совсем он даже не расстроился. Оторвал на ходу ветку от куста сирени, так что тот весь заколыхался, и стал махать ею направо и налево. Пропал из виду. Только слышен был недолго его тихий свист. Оленька постояла минутку. Липой так сладко пахнет. Сердце мрёт. Если бы не туфельки, что ноги ей растёрли до крови, пошла бы с ним, пожалуй, до околицы. Помедлив, взяла керосинку и вернулась обратно через сени в горницу, затворив тихо скрипучую дверь.

— Ну, чаво Серёжка-то? — спросила, улыбаясь, тётя Луша, тасуя колоду. — Цельный год всё о тебе допытывал. Встренеть меня в церкви али в лавке: «Оля скоро приедет?»

— Да вот мне написал что-то, — Оля протянула листок. — Стихи.

Тётя Луша повертела листок. Не шибко грамоте-то разумела.

— Мелко больно пишеть, — отдала Пете. Тот громко, с выражением стал читать:

*Зачем обманывать и лгать!
Правды я от Вас не скрою.
Меня заставили страдать
Своею выходкою злою!*

*Отвергли раз и навсегда,
Узнать, что в сердце, не желали!
Ваш нежный голос — как вода,
Разрезал грудь больнее стали!*

*Знать, не судьба в моей глуши
Нам по деревне прогуляться
И за околицей в тиши
Послушать соловья остаться.*

*Не в силах Вас я удержать
И лью отвергнутого слёзы,
Но буду долго вспоминать
Я щёчек с ямочками розы.*

*Причёски вашей строгий ряд,
Что при луне так серебрится,
И платья ситцева наряд
Ночами часто будет сниться.*

*Не поминайте меня лихом.
Мои стихи Вам от души.
Сломался карандаш со скрипом.
Всё зря... Пиши Вам — не пиши!*

Сергей Есенин

— Ишь, как складно-то! — задумчиво покачала головой тётя Луша. — Знать, шибко приглянулась ты песняру ентому. Эвон как мается! Лихо ему, поди? — сострадательно вздохнула она и посмотрела на Оленьку с укором. — Желанный он. Бывалче, приметит издала — шапку сыметь. Приветить. Весёлый...

— Сказал, что будто будет великим поэтом, — совсем сникнув, произнесла Оленька. Всё никак не могла простить себе, что была такой гордой, неласковой и отказала ему. А всё виноваты они, туфельки. Да нешто ему это объяснишь? И карты уже не прельщали.

— Должно¹ будет. Он Богом в темечко поцелованный, — произнесла тётка непонятно. — Будто блаженный. Голоса в ём, в нутре яво, — она помолчала. — Людям правду-то говорить не кажный силу имеет. Знать, помреть рано.

— Ну? — как бы подведя черту под Есениным, спросил дядя Степан. — Играть-то с нами сядешь?

— Нет. Чтой-то устала я. Пойду прилягу.

— Ну ляг, Оленька, ляг, — тётя Луша, почувяв, что с племянницей неладное творится, не стала допытываться. «Сергунька этот всё перебуробил. Вона как с лица спала, ягодка моя».

Оля присела на задник, прислонясь к печке спиной, задумчиво расплетая косу. Закрыла глаза. Голова кружилась. Прилегла, подложив руки под голову. Всё поплыло. Засыпая, Оля слышала, как гоготал дядька и тётя Луша стыдила его: «Тише, Ирод! Оленька уж легла». Видела перед собой влюблённые Серёжкины глаза. Ох, грешница! Видно, обидела она парня. Ещё бы разок его увидеть да поговорить с ним ласково. Пусть уж пишет ей, коли хочет. Она разберёт. Читать училась. А то сердце на неё заимеет². Что-то защемило в груди. Заплакала тихонько. И, кажется, ей всю ночь он снился.

Утром было недосуг — с девушками в березняк ходили берёзки наряжать, да и Серёжа ей на деревне почему-то не встретился и не приходил, а на другой день дед прислал за ними лошадь из Курова, и они засобирались.

— Ну, с Богом, Оленька, Пятруша! Проститя Христа ради, коли чяво не так! Не забывайтя уж нас, родненькия! Приязжайтя на Пятры и Павла али на Успенье! Да хоть на Покров! — крестила их тётя Луша, идя за телегой и держась за её край. На телеге, свесив ноги, сидели притихшие перед разлукой Оля и Петя. Обнялись. — Тама пирожки кушайтя, под тряпицей! Ой, махотку с молоком в избе позабыла, грехоломная! Обожди! — постучала она вознице по телеге. — Щас, — продолжая причитать и охать, Лукерья Трофимовна проворно сбегала в избу за кувшином. — Бабушке с дедом кла-

¹ Должно — конечно, точно.

² Сердце заимеет — затаит в сердце обиду.

няйтесь от нас, — и сама кланялась в пояс.

Оленька запомнила её статной, в белом, подвязанном под подбородком платке. Она видела, когда телега наконец затряслась прочь, как тётя Луша вдруг заплакала, вытираясь его концами.

— Бог даст, свидимся ешо! — и долго махала рукой. Потом приблизила её козырьком к глазам и всё смотрела, смотрела, пока телега не завернула от деревни на проезжую дорогу.

* * *

«Волга» остановилась у входа в музей. На крыльце выстроились предупреждённые охранником сотрудники музея. Из чёрного автомобиля вышел мужчина в форме подполковника, открыл заднюю дверь. Помог вылезти пожилой женщине с заднего сиденья. Подал палочку. Взял её бережно под руку и повёл к крыльцу. Его спутница поправила тёмный платок. Встречающие с любопытством оглядывали гостью. Приближающуюся к ним тихой поступью посетительницу нельзя было назвать ни бабушкой, ни старушкой, несмотря на преклонный возраст. Её лицо сохранило ту гордость и следы несомненной красоты, которая поражает иногда в очень старых женщинах. Высокий лоб, прямой нос, живые, лучистые глаза. Чувствовалось, что она была взволнована. Все стоявшие на крыльце музейные работники окружили её.

— Здравствуйте, дорогие мои! Спасибо, что дали проехать, приветили старуху, — она пожала всем руки. — Ольга Андреевна меня зовут.

— Проходите, Ольга Андреевна, — одна из сотрудниц показывала путь.

Поводили её немного по музею. Увидев фотографию Есенина, она остановилась.

— Вот такой он и был. Шапка волос. Из глаз синь брызгала. Картуз на нём был чудной.

После её провели в небольшую комнату.

— Садитесь, — подали ей стульчик. Сзади был экран, как в фотоателье.

В дверь вошёл средних лет мужчина, взял от стены стул, поставил напротив неё и сел. В руках у него было что-то похожее на приёмник.

— Это диктофон. Нам сказали, что вы знали Есенина? — сразу, без вступления, спросил он.

— Знала, — женщина вздохнула. — Подумала вот, что надо побывать здесь, пока жива.

— Правильно сделали, — мужчина улыбнулся. — Расскажите нам, что помните. Не волнуйтесь, нам всё важно. В котором году это было? — и включил кнопку на диктофоне.

— Знала я его с детства. А последний раз видела его на Троицу 1912 года. Приехали мы тогда с братом в Константиново в гости к родне...

* * *

Ольга Андреевна закончила своё повествование словами:

— Ну а дальше была война четырнадцатого года. Ещё через год я замуж вышла, в восемнадцать лет, и уехала к мужу Николаю в Коломну. Революция была. Долгая, трудная жизнь... Листок этот с Серёжиными стихами я тогда же и забыла у тёти Луши. Потом по памяти уже вспоминала. Может, что и перепутала. Но вроде всё так, как он тогда написал.

Все молчали. Одна сотрудница всё-таки не удержалась, спросила с волнением в голосе:

— Так вы с ним не пошли только из-за туфелек? Он вам правда нравился?

Ольга Андреевна улыбнулась грустно.

— Нравился, да, видно, не судьба была, — потом подумала и добавила тихо: — Жалко мне его. Погубила его Москва. Там все чужие были. Дома, может, подольше бы пожил.

Пока фотограф настраивал аппаратуру, рассказчица вдруг заволновалась и спросила:

— А зеркало здесь есть?

Все заулыбались.

— Конечно, Ольга Андреевна! Сейчас! — молодая девушка, та, что спрашивала про туфельки, выбежала из комнаты. Вернулась с небольшим круглым зеркалом. Женщина сняла платок. Причесала роговой гребёнкой волнистые седые волосы, собранные в низкий пучок. Поправила золотые серёжки, глядя на своё отражение. Одёрнула тёмно-синий костюм из джерси. Вопросительно взглянула на дочь Лёлю. Та кивнула одобрительно. Ольга Андреевна приосанилась и сказала фотографу:

— Ну, теперь можно...

Р.С. «ЗНАТЬ, НЕ СУДЬБА В МОЕЙ ГЛУШИ...»

Биографическая справка

Принимая рассказ «Оленька» к публикации, редакция «Невского проспекта» попросила автора прояснить документальную основу рассказа в виде биографической справки, которая приводится ниже цитатой из ответа автора рассказа Ларисы Кеффель-Наумовой на редакционный запрос:

«Рассказ основан на документальном материале. Главная героиня, как читатель, судя по посвящению, мог догадаться, — моя бабушка Ольга Андреевна Наумова, в девичестве Егорова (даты жизни: 08.04.1897 — 01.12.1990). Так что это реальная история. И стихи эти действительно написал ей Есенин, причем очень быстро: за 5-7 минут при завершении разговора, когда бабушка Оля (героиня рассказа Оленька) отказалась прогуляться с ним до околицы. Все так и было, как описано в рассказе. Эта история известна всей нашей семье. Но документальных доказательств истории, художественно воспроизведенной в рассказе «Оленька», у меня, к сожалению, нет или почти нет.

Однажды, как это описано в начале рассказа, бабушка ездила в есенинский музей Константиново вместе с дочерью Стасенко Ольгой Николаевной и зятем Стасенко Михаилом Яковлевичем. Ее фотографировали и записывали, но почему-то в музейных архивах (по имеющейся у меня информации) это не сохранилось. И, увы, все участники этой поездки в Константиновский музей уже умерли.

Работая над рассказом, я просмотрела много всяких документальных материалов. Расспрашивала родственников, просто достала их всех. Кто-то вспомнил какие-то подробности, но в основном никто внимательно не слушал бабушку. Даже как звали родню в Константиново, уже никто не помнит. И вышло так, что в числе живых я и осталась единственным человеком, слышавшим историю из первых уст, запомнившим ее, что называется, близко к тексту и в литературной форме изложившим, как было дело, со слов героини рассказа Оленьки.

Маленькой девочкой я приходила в гости к бабушке Оле, и она мне часто рассказывала эту свою заветную историю. И стихи эти цитировала. Очень жалею, что ни разу не догадалась спросить у бабушки, а как звали ее тетушку в Константиново. Пришлось имя придумать: тетя Луша в рассказе. Но бабушкина тетя именно так себя вела. Добрая, радушиная была. Всегда их с братом Петром приглашала на праздники.

Прилагаю к письму файл с биографическими данными о всех членах семьи, а также фотографию молодой бабушки Оли¹ и уже старенькой, какой она ездила в Константиново, и другие семейные фотографии.

Моя бабушка Ольга Андреевна Егорова родилась в 1897 году в селе Курово, что в 20 километрах по прямой от села Константиново, малой родины Есенина. Вышла замуж в 1915-м в 18 лет за моего деда Николая Петровича Наумова (1896-1948). Уехала с мужем в Коломну, где он работал. Позже дед Николай Петрович много лет был председателем колхоза в селе Курово. После смерти мужа бабушка переехала в Москву к детям. Проживал в Москве и младший брат ее Петр, который в рассказе читает написанные Есениным стихи родным. Бабушка Оля родила семерых детей, они все уехали жить и учиться в Москву. Шестой по счету — мой папа Алексей Наумов, который закончил МАИ и работал на руководящих должностях в оборонной промышленности. Есть в нашей семье героические люди, такие как генерал Борис Константинович Ратников (см. Википедию).

Отец бабушки Оли Андрей Егоров (о нем тоже упоминается в рассказе) работал ящиком в Москве, умер от горячки 24 лет от роду. Мать бабушки Егорова Евдокия Поликарповна, обрисованная в рассказе, работала в Москве в услужении.

Когда бабушка Оля ездила в музей Константиново, она, конечно, рассказывала в интервью музейным работникам о своей тетушке, у которой она часто гостила в Константиново (тетя Луша в рассказе). Я писала в музей и просила мне помочь, поискать в архивах что-нибудь об этой героине рассказа. Но раз я не знаю подлинного имени константиновской «тети Луши», моя просьба, так сказать, повисла в воздухе.

Разумеется, тетушка бабушки Оли (тетя Луша) хорошо знала Есениных, равно как и всех жителей села. Хорошо знала Есениных и моя бабушка Оля (героиня рассказа Оленька). Оленька Егорова с детства была знакома с матерью Сергея Есенина Татьяной Федоровной и его сестрами. Не раз заходила в гости к Есениным, о чем я слышала из ее

¹ Фото героини рассказа из семейного архива:

<https://drive.google.com/file/d/1-QDhdLUFnAc0Q2A-shnXykvbPAGlidWh/view?usp=sharing>

уст и зафиксировала это в рассказе. Бабушка Оля помнила, как стояла в доме Есениных мебель, у них было трюмо, и говорила, что «чудно», что у них были стены поклеены обоями в цветочек: обои могли себе позволить только очень зажиточные люди. А сейчас - простая изба в есенинском музее. Мне это удивительно, потому что со слов бабушки Оли я представляю себе дом Есениных побогаче. Раз бабушка Оля говорила мне, что у Есениных были обои и трюмо, значит — были, для меня это факт.

Бабушка Оля (Оленька) и брат ее Петр каждый год ездили на лошадах в Константиново в гости к родне (к тете Луше). По сюжету рассказа и де-факто они в очередной раз приехали в Константиново на праздник Троицы 26 мая 1912 года (13.05.1912 по старому стилю). Оленьке Егоровой исполнилось в апреле 15 лет. Она знала Сережу Есенина еще с детства, как и всех других константиновских детей, и часто видела его, когда гостила у тетушки. К 15 годам Оленька Егорова расцвела и превратилась в настоящую сельскую красавицу и шеголиху. Очень хорошо одевалась. Модные наряды ей мать ее Евдокия, работавшая у богатых господ в услужении, привозила из самой Москвы.

А Есенину было в момент описываемых в рассказе событий 17 лет. В 1912-м он как раз закончил церковно-учительскую школу в Спас-Клепиках и собирался уезжать в Москву к отцу Александру Никитичу, который работал в мясной лавке.

По словам бабушки Оли, они общались в предпраздничные дни под Троицу, а в описываемый Троицын день Сергей Есенин ухаживал за ней, смотрел, как она водит круга, провожал домой, ходил с ней до околицы. Разговаривали. Когда водила круга с девушками, она намаяла ножки в новых туфельках, привезенных мамой из Москвы, на размер меньше ее 34-го размера. Придя домой, скинула туфли и надела чуни (обрезанные валенки). Села ужинать. А потом собирались играть с тетей и дядей в карты.

Кто-то постучал в дверь. Тетя пошла открыть. Оказалось, что это был Сергей Есенин. Он звал Оленьку выйти прогуляться. Она отказалась из-за того, что не могла надеть на распухшие ноги туфельки. Ему она сказала, что устала. Есенин все же не терял надежды сохранить с ней отношения. Спрашивал, будет ли Оленька его ждать, отвечать на его письма из Москвы? Так и не получив положительного ответа от слишком юной девушки, несколько пугающей его «учености», он, расстроенный отказом, написал ей стихи. И они расстались. Встречались ли они случайно позже, этого мне бабушка не рассказывала.

Вот и все, что я могу сказать о документальной основе рассказа «Оленька».

Это может показаться странным, но об этой любви Есенина, чья биография, казалось бы, известна во всех подробностях, доселе никто не знает. История этой любви (или назовите как хотите описанные в рассказе отношения) сохранена памятью моей семьи и обнародуется впервые, откуда и подзаголовок: «Неизвестная любовь Есенина».

Добавлю, что приведенный в рассказе текст прощального стихотворения Есенина, который я давно записала из уст бабушки Оли, цитировавшей на память (а листок утерян), по моему мнению, очень сильно близок к оригиналу, если не совпадает с оригиналом на сто процентов. Пусть по этому поводу выскажутся исследователи юношеской лирики поэта».